

STACEY HALLS

FThe
Familiars

СТЕЙСИ ХОЛЛС

Покровители

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х72

Stacey Halls
THE FAMILIARS

Copyright © 2018 by Stacey Halls
All rights reserved.

Jacket illustration © Lucy Rose Cartwright
Title calligraphy © Patrick Knowles

Перевод с английского *Маргариты Юркан*

Холлс, Стейси.

Х72 Покровители / Стейси Холлс ; [перевод с английского М. Юркан]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-105317-8

Англия, начало XVII века.

Флитвуд живет в старинном фамильном замке, она замужем уже четыре года, но у нее с супругом до сих пор нет детей. Отчаявшись, она призывает к себе загадочную девушку Алису, с которой однажды познакомилась в лесу. Флитвуд верит, что Алиса знает, какие травы ей пить, чтобы выносить и родить здорового ребенка.

Но вскоре в округе разворачивается судебное дело против ведьм, и Алиса попадает под подозрение. Одним из доказательств служит то, что у каждой колдуньи есть волшебные души-покровители, или фамильяры.

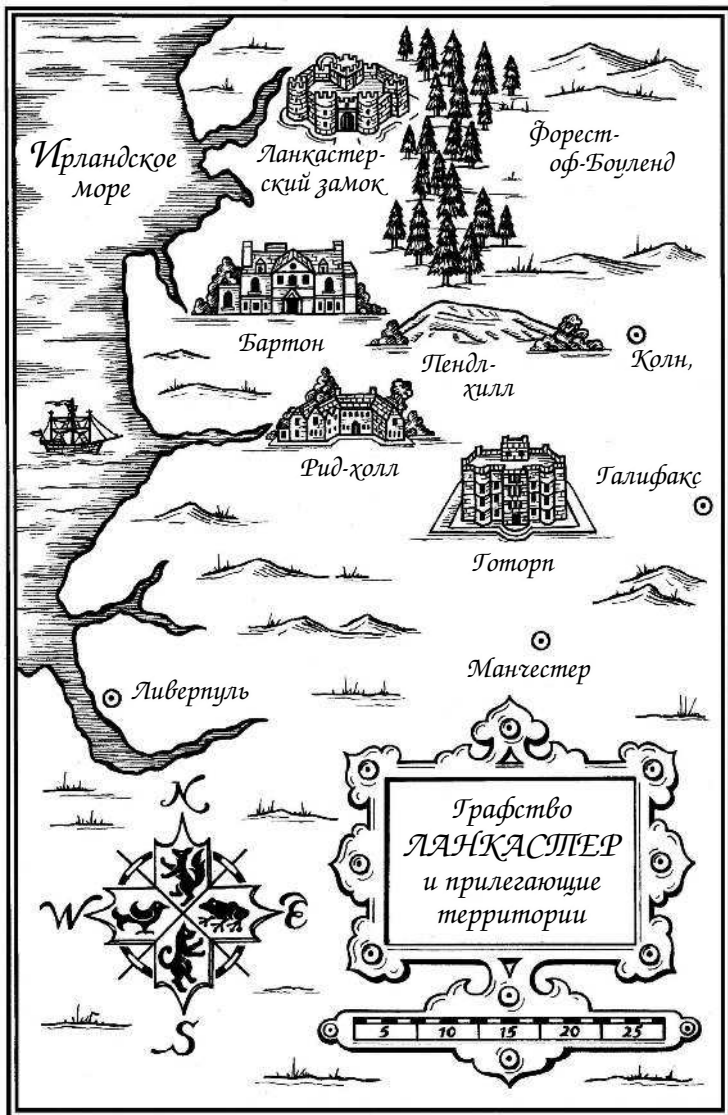
Алису ждет виселица, но Флитвуд пытается спасти ее от страшной участи. Ради этого она отправляется глубоко в лес, где сталкивается с собственными страхами и... удивительными животными.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44**

ISBN 978-5-04-105317-8

© Юркан М., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается моему мужу

Часть 1

ГРАФСТВО ЛАНКАСТЕР (НЫНЕ ЛАНКАШИР),
НАЧАЛО АПРЕЛЯ 1612 г.

Будь неизменно полон сил,
ибо иначе ловчая птица
Недолго будет послушна твоим приказам,
вынудив тебя подчиняться ей.

*Книга о соколиной и ястребиной охоте
Джордж Тербервиль (1543—1597).*

Благоразумие и правосудие.
Девиз рода Шаттлвортов

Глава 1

Не зная, как лучше поступить, я вышла из дома, прихватив с собой письмо. Газон, еще влажный от поздней утренней росы, быстро промочил мои любимые розовые шелковые туфельки, ведь в спешке я и не подумала надеть паттены¹. Но я продолжила путь и вскоре скрылась за деревьями, окружавшими газоны перед фасадом особняка. Я еще раз развернула зажатое в руке письмо, желая убедиться, что его содержание не приснилось мне, пока я отдыхала в кресле.

Нынешнее утро выдалось холодным и туманным, освежающий ветер слетал с Пендлского холма, и, хотя душа моя пребывала в смятении, я не забыла захватить плащ из гардеробной. Рассеянно приласкав Пака², я с удовольствием отметила, что руки у меня не дрожат. Я не рыдала, не хлопнулась в обморок, а всего лишь сложила обратно в конверт прочитанное послание и спокойно спустилась по лестнице. Никем не замеченная, я, проходя мимо кабинета Джеймса, мельком увидела его, сидяще-

¹ Паттены — башмаки на деревянной подошве с железным ободом, надевавшиеся поверх обычной обуви для ходьбы по грязи.

² Пак — проказливый чертенок, один из главных персонажей комедии У. Шекспира (1564—1616) «Сон в летнюю ночь».

го за столом. У меня мелькнула мысль, что он тоже мог прочесть это письмо, поскольку, будучи управляющим, обычно вскрывал личную корреспонденцию своего господина, но, моментально отбросив эту мысль, я вышла из дома на парадное крыльцо.

Облака, цвета оловянных кувшинов, грозили пролиться дождем, поэтому я поспешила по газону к деревьям. Я понимала, что мой черный плащ отлично выделяется на зеленом газоне и может привлечь внимание любопытных слуг, припавших к окнам, а мне хотелось спокойно все обдумать. Леса в нашей стороне Ланкашира перемежались холмами и болотистыми низинами, и над ними простирались обычно серые небеса. Иногда между деревьями мелькали и мгновенно исчезали рыжеватые олени или голубые шейки фазанов.

Еще не войдя под лесную сень, я вновь почувствовала тошноту. Расставшись с заполнившей рот рвотной массой, я аккуратно подобрала подол волочившейся по траве юбки и вытерла рот носовым платком. Прачки Ричарда сбрызгивали их розовой водой. Закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов и, когда почувствовала себя немного лучше, вновь взглянула на зеленеющие травы. Углубляясь в лес, я видела, как трепещут на ветру деревья, слышала веселый птичий щебет, и вскоре массивное здание Готорп-холла совсем скрылось из вида. В этих краях наш особняк, построенный из теплого желтоватого камня на расчищенном от леса участке, привлекал внимание не меньше, чем я сама. Но хотя этот дом не скрывал от вас такого близкого, казалось, видного из окон леса, сам этот лес отлично скрывал вас от Готорп-холла. Порой мне казалось, что они играют друг с другом в прятки.

Наконец я опять развернула письмо, разгладила смятую в кулачке бумагу и нашла потрясший меня абзац:

«Вы можете легко догадаться об истинной природе опасности, угрожающей вашей жене. С печальным сожалением я сообщаю вам свое профессиональное мнение как сведущего в сфере деторождения врача: в результате моего последнего визита к ней в пятницу на прошлой неделе я пришел к глубоко прискорбному заключению, что она не способна вынашивать детей. Полагаю, вам чрезвычайно важно понять то, что если ей вновь придется рожать, то она не переживет родов и ее земная жизнь завершится».

Теперь, оказавшись в лесном уединении, я позволила себе отчасти проявить тайные чувства. Сердце мое бешено колотилось, щеки пылали. К горлу опять подступила тошнота, и я едва не задохнулась от едкого, обжигающего язык привкуса.

Недомогания мучили меня целыми днями, и утром, и днем, и вечером, выворачивая наизнанку все мои внутренности; число приступов тошноты доходило до сорока раз на дню, а если меня тошнило всего дважды, то я чувствовала себя счастливой. У меня даже сосуды полопались на лице, оставляя красные пятнышки вокруг дьявольски покрасневших глаз. Теперь ужасно противный привкус надолго останется во рту, удушающе едкий и острый, точно лезвие ножа. Никакая еда во мне не задерживалась. Хотя у меня и аппетит начисто пропал, к большому огорчению нашей кухарки. Даже большие плитки моего любимого марципана лежали нетронутыми в кладовой, а присланные из Лондона банки леденцов покрылись пылью.

Предыдущие три раза я не страдала от таких недомоганий. На сей раз, видимо, растущий во мне ребенок пытается вырваться на свободу из моего горла, а не между ног, как в других случаях, когда он покидал меня преждевременными красными потоками, струящимися по

ногам. Кровавые сгустки выглядели безобразно, и я видела, как их заворачивали в салфетки, словно свежий хлеб.

«Не жилец он на белом свете, бедный малютка», — проворчала последняя повитуха, вытирая мою кровь со своих больших, как у мясника, рук.

За четыре года семейной жизни случились три беременности, но в дубовой колыбельке, подаренной нам с Ричардом на венчание моей матерью, так и не появился наследник. Она смотрела на меня с таким укором, словно я была виновата в том, что все они покидали мое чрево раньше времени.

И все-таки я не могла понять, знал ли Ричард о мнении доктора, видя, как я набираю вес, точно индейка к Святкам. Это письмо лежало в пачке других посланий, связанных с моими тремя предыдущими беременностями, поэтому, возможно, он и пропустил его. Либо счел за лучшее скрыть его от меня? Внезапно строчки с заключением врача, казалось, вылетели со страницы и обмотались петлей вокруг моей шеи. Причем написал их человек с неизвестным мне именем, видно, страдая тогда от жуткой боли, я не смогла осознать ни его прикосновения, ни голоса, ни того, как он выглядел.

Не переводя дух, я продолжала стремительно углубляться в лес, и мои домашние туфельки совсем промокли и позеленели от травянистой грязи. Когда одна из них окончательно развалилась и я почувствовала под шелковым чулком неровности сырой земли, остатки выдержки покинули меня. В сердцах я скомкала злосчастное письмо и изо всех сил швырнула его в какие-то кусты, испытывав легкую радость от того, что оно отскочило от ствола дерева в нескольких ярдах от меня.

Если бы я не сделала этого, то могла бы не заметить кроличью лапку совсем рядом с местом, где упало ском-

канное письмо, не заметила бы и кроликов — вернее, даже того, что от них осталось: изодранных и окровавленных меховых тушек. Мне доводилось охотиться на кроликов; но этих зверьков убили не ястребы или соколы, птицы наносят аккуратную смертельную рану и тут же улетают обратно к своему хозяину. Чуть погода я заметила и еще кое-что: подол стелившейся по земле бурой юбки, коленопреклоненную фигуру, лицо, белый чепец. Молодая женщина, стоявшая на коленях, пристально смотрела на меня. Все в ней выдавало настороженность и какое-то дикое напряжение. Она была бедно одета: в домотканом шерстяном платье без фартука, поэтому я и не сразу разглядела ее среди зелени деревьев и кустов. Из-под ее чепца струились локоны льняных волос. На удлиненном узком лице горели глаза, цвет их привлекал внимание даже на расстоянии: теплый и золотистый, они светились, точно новенькие золотые монеты. Взгляд девушки горел живым, почти как у мужчин, умом, и, хотя я стояла, а она припала к земле, на мгновение я испытала страх, словно именно она застучала меня за каким-то предосудительным занятием.

В ее руках болталась тушка второго кролика, устремившего на меня свой застывший глаз. Его шкурка испачкалась в крови. На земле, рядом с подолом юбки, лежал открытый, грубо сшитый мешок. Девушка встала. Ветер шелестел листьями и травой вокруг нас, но она застыла в неподвижности с непроницаемым выражением лица. Только мертвая тушка слегка покачивалась в руке.

— Кто ты? — спросила я. — Что здесь делаешь?

Ничего не ответив, она принялась складывать тушки в свой мешок. Мое скомканное письмо ярко белело на фоне кровавой резни, и она помедлила, увидев его; ее длинные, испачканные в крови пальцы застыли в воздухе.

— Подай его мне, — отрывисто приказала я.

Взяв письмо, она протянула его, не сходя с места, и я, сделав пару широких шагов, выхватила листок. Она не сводила с меня своих золотистых глаз, и я подумала, что никто из незнакомцев еще не смотрел на меня с таким упорством. На мгновение я представила, как странно, должно быть, выгляжу, без уличных башмаков, с застрявшей в грязи туфелькой. Мое лицо, наверное, пылало после приступов тошноты, и белки глаз могли покраснеть. А от едкого и кислого привкуса у меня все еще саднило язык.

— Как тебя зовут?

Она молчала.

— Ты нищенствуешь?

Она покачала головой.

— Это мои владения. Ты незаконно убила кроликов в моем лесу?

— Ваши владения?

Звук ее голоса разрушил несуразность этой сцены, точно галька, брошенная в пруд. До меня наконец дошло, что она просто обычная деревенская девушка.

— Меня зовут Флитвуд Шаттлворт, я — владелица Готорп-холла. Это усадьба моего мужа; если ты из Падихама, то должна знать его.

— Не из Падихама, — коротко ответила она.

— Тебе известно, какое наказание полагается за охоту в чужих владениях?

Она оценивающе глянула на мой плотный черный плащ, на выглядывающее из-под него платье из бронзовой тафты. Я понимала, что мои черные волосы усугубляют и без того болезненную бледность моего лица, однако не желала, чтобы мне напоминала об этом какая-то незнакомка. На вид она выглядела старше меня, но я не смогла

сообразить, сколько же ей на самом деле лет. Ее грязное платье, похоже, давно не чистили и не проветривали, как и чепец сероватого цвета пыльной овечьей шерсти. Но тут наши взгляды встретились, и я осознала, с каким спокойствием и гордостью она взирает на меня. Нахмурившись, я вздернула подбородок. Учитывая, что рост мой составлял всего лишь четыре фута и одиннадцать дюймов¹, в любом обществе я вечно оставалась самой маленькой, однако напугать меня было совсем нелегко.

— Мой муж привяжет тебя за руки к своей лошади и оттащит к судье, — заявила я с самоуверенностью, хотя вовсе ее не испытывала.

Она не произнесла ни слова, тишину нарушили лишь шелест веток да трепет листвы.

— Так ты — нищая? — снова спросила я.

— Нет. — Она протянула мне мешок. — Заберите их. Я не знала, что забрела в ваши владения.

Ответ прозвучал странно, и я подумала, что смогу рассказать об этом Ричарду. Потом, вспомнив о письме, я сжала его покрепче.

— Как ты убила их?

— Я не убивала. — Она шмыгнула носом. — Просто нашла их уже убитыми.

— У тебя странная манера разговора. Ты можешь назвать мне свое имя?

Едва договорив, я успела лишь заметить золотисто-коричневый промельк развернувшейся и убежавшей в лес девушки. Ее светлый чепец мелькал между стволами деревьев, мешок подскакивал на боку. Она бежала уверенно и проворно, словно молодая олениха, и быстро скрылась из виду.

¹ Около 125 см.